

Московская текстильная промышленность конца XVIII – первой половины XIX вв. создавалась усилиями частных лиц, что нехарактерно для России – государство всегда играло огромную роль в становлении и развитии промышленности. В статье на примере московской текстильной отрасли показано, как действовали экономические, политические и религиозные факторы, определяющие ее развитие.

Ключевые слова: кластер, региональная политика, купцы, текстильная промышленность

Факторы развития московской промышленности в XVIII-XIX вв. (на примере текстильной отрасли)

С. Г. ВАЖЕНИН,
кандидат экономических наук,
E-mail: svazhenin@mail.ru

В. В. СУХИХ,
УРАН Институт экономики Уральского отделения РАН,
Екатеринбург

© ЭКО 2009 г.

Экономический фактор

Текстильная промышленность Европы и России в XVIII – первой половине XIX вв. переживала настоящий бум, вызванный знакомством европейцев с хлопком и тканями из него – ситцем и кисеей. Такая удобная и буквально ставшая впоследствии символом русского простонародья ткань, как ситец, первоначально импортировалась из Индии.

С развитием колониальных владений и активной заморской торговли стало возможным не только привозить готовые ткани из далеких колоний, но и завозить хлопок-сырец в метрополию для развития местной промышленности. Уже на рубеже XVII–XVIII вв. в Англии возникла развитая хлопчатобумажная отрасль; в 1768 г. работать начала первая фабрика-прядильня Аркрайда в Ноттингеме, в 1792 г. английская пряжа впервые появилась в большом количестве на Лейпцигской ярмарке, а в 1822 г. английские хлопчатобумажные ткани впервые были завезены на индийский рынок.

Е. М. Майбурд отмечает значение новой отрасли: «Английская хлопчатобумажная отрасль – чистейший образец возможностей, которые таит в себе дух предприимчивости, динамизма и свободы. Развивавшаяся первоначально в тех же кустарно-домашних формах с теми же оптовыми скупщиками, но не отягощенная традициями, не связанная регламентами, не защищаемая правительством, не претендующая на монополию (напротив, вырвавшаяся изначально в условиях конкуренции), молодая отрасль оказалась той точкой опоры, приложив к которой рычаг деловой хватки, дух капитализма перевернул Англию и мир»¹.

Пример английской хлопчатобумажной промышленности долгое время не мог быть повторен в континентальной Европе. Существовали естественные сложности с подвозом хлопка и трудности, создаваемые намеренно: до 1842 г. прядильные машины нельзя было вывозить из Англии, дабы не подорвать ее промышленность. Поэтому первым русским фабрикам

¹ Майбурд Е. М. Мир Адама Смита // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (Книги I–III). – М.: Наука, 1993. С. 26.

приходилось работать на английской пряже и с некачественными машинами². Но сам факт английского успеха вдохновлял. Купцы, искавшие выгодное дело для приложения инициативы и денег, видели пример, чем можно заняться.

Внутриполитический фактор

Москва после переноса столицы в Петербург сохраняла свое значение как крупнейшего центра внутреннего рынка, оставаясь почти весь XVIII в. и крупнейшим городом страны. Московское купечество традиционно доминировало на внутреннем рынке, имело связи и деньги для создания промышленных предприятий. Но после петровских реформ пути правительства и московского купечества разошлись. Государство либо само строило мануфактуры, либо давало право на это отдельным приближенным лицам. Московское купечество, до реформ бывшее зависимым от власти и верным ее инструментом, в новых условиях оказалось государству не очень-то и нужным.

Правительство, модернизируя с начала XVIII в. страну на европейский лад, не искало союзников в московском обществе, где патриархальность и приверженность к старине не могли быть быстро изжиты. Сопrotивление резким переменам, пусть и не проявлявшееся открыто, вело к стремлению не иметь дела с правительством и не участвовать в его начинаниях – отсюда постоянное фрондерство Москвы против Петербурга, которое разделяло и московское купечество. Правительству же во многом было выгодно привлекать на торговую службу иностранцев – они вели дела в европейском стиле, при этом гораздо более были склонны, не имея опоры в обществе, искать расположения чиновных лиц. К тому же обладающим знаниями о европейских делах и связями в разных странах иностранцам было проще вести торговые дела с заграницей, чем русским купцам.

Согласно экономическим воззрениям XVIII в., развитая внешняя торговля с активным торговым балансом рассматривалась в качестве главного средства денежных накоплений и

² См.: Варзар В. Е. Хлопчатобумажная промышленность // Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон» (электронная версия).

государственного благосостояния³. Потому важнейшими для правительства России были иностранные купцы, способные эту внешнюю торговлю организовать.

Русское купечество было вынуждено уступить внешнюю торговлю иностранцам. Центром ее стал Петербург, где действовала бóльшая часть иностранных торговцев. В 1754 г. и 1755 г. доля российских подданных в товарообороте Петербурга составила 18,2% и 16% соответственно, то есть западноевропейские купцы сосредоточили в своих руках 82–84% товарооборота главного внешнеторгового порта России⁴. Даже в Москве внешнеторговыми делами занимались иностранцы. В составе крупного московского купечества имелась весьма заметная группа иноземцев по происхождению, специализировавшихся на обеспечении контактов Москвы и внешнеторговых портов и занимавшихся оптовой торговлей на данном направлении⁵.

Русским купцам приходилось либо становиться агентами или партнерами иностранных предпринимателей, либо ориентироваться в своей деятельности на внутренний рынок. Это предопределяло и специфику их промышленных начинаний. Когда купец, сделав состояние на торговле, задумывал построить мануфактуру, то мыслил он вовсе не о предприятии тяжелой промышленности, продукция которого могла быть в основном продаваема правительству или на западный рынок (как в случае с металлургическими предприятиями Демидовых на Урале), а о предприятии легкой промышленности, чтобы выпускать ходовой товар на знакомый и открытый внутренний рынок.

Подобное положение дел, сложившееся в XVIII в., сохранялось уже как традиция вплоть до конца империи. До 1917 г. в текстильной промышленности и торговле в Москве первенство принадлежало предпринимателям русского происхождения, в то время как в тяжелой лидировали «московские немцы»⁶.

³ См.: *Козлова Н. В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. – М.: Археографический центр, 1999. С. 363.

⁴ См.: *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. – М.: Наука, 2005. С. 77–78.

⁵ Там же. С. 397.

⁶ См.: *Купечество Москвы. История. Традиции. Судьбы.* – М.: АСТ; Олимп, 2008. С. 112.

Религиозный фактор

Старообрядчество имело по всей стране миллионы сторонников, истово преданных древним порядкам, а в условиях гонений и притеснений – сплоченных и организованных для выживания. Староверческие общины имели связи по всей стране, но одним из крупнейших центров была Москва, где наиболее тесна была связь старообрядчества с купечеством.

Подобная связь была закономерна. Старообрядческие общины нуждались в деньгах для подкупа чиновников и помощи гонимым собратьям. Поэтому неудивительно, что первоначально старообрядческие общины возникли в Москве, где приверженцы из купцов были способны оградить их деньгами от преследований властей. Больше купцов – больше денег и влияния – большая безопасность от властей. Потому общины стали своеобразным инкубатором торговцев и промышленников как гарантов выживания старообрядцев, единственного способа прочно утвердиться в Москве.

Купечеству прочная связь с общинами староверов была экономически выгодна. Разветвленная сеть единоверцев позволила купцам организовать торговые дела во всероссийском масштабе, привнеся в торговые операции немислимые ранее огромные оборотные капиталы и многочисленную торговую агентуру. Купцы из этих общин, заводя предприятия, могли быть уверены в успешном сбыте, во всяческой поддержке и помощи. Бытописатель волжских старообрядцев П. И. Мельников-Печерский отмечает, что пребывание в расколе героя одной из его книг купца П. М. Чапурина было вызвано во многом экономическими причинами: «Притом же у него расколом дружба и знакомство с богатыми купцами держались, кредита от раскола больше было. Да, кроме того, во время отлучек из дому по чужим местам жить в раскольничьих домах бывало ему привольней и спокойней. На Низ ли поедет, в верховы ли города, в Москву ли, в Питер ли, везде и к мало знакомому раскольнику идет он, как к родному. Всячески его успокоят, все приберегут, все сохранят и всем угодят»⁷.

⁷ Мельников П. И. (Печерский А.) В лесах. Книга первая. – Пермь: Пермское книжное изд-во, 1983. С. 10–11.

Возникла своеобразная торговая империя староверов. Крупнейшие их объединения уже в начале XIX века охватывали влиянием всю страну, причем их церковная организация была лишь прикрытием широкой организации торгового капитала, главными владельцами которого были adeпты старой веры.

Основной в торговом обороте той эпохи была торговля хлебом. Разветвленная сеть староверческих общин работала в этой торговле на благо купцам-староверам. Рогожская и Таганка задолго до организации специальной торговой агентуры уже имели таковую в лице старообрядческих общин хлебоборных губерний: Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской. Постоянные и регулярные сношения их общин с Рогожской метрополией ставили рогожцев в известность о видах на урожай и ценах на хлеб и давали возможность в наиболее благоприятную минуту и ранее всех других конкурентов производить закупки. Донские, уральские и нижеволжские общины играли такую же роль по отношению к рыбной торговле, общины степных губерний – к торговле скотом. Рогожское кладбище рассылало во все стороны мелких розничных торговцев, московские ямщики были сплошь почти старообрядцы. Неудивительно, что на Московской, Нижегородской и других крупных ярмарках рогожцы устанавливали цены на все важнейшие товары, их влияние чувствовалось даже в Иркутской губернии, в Бухаре и Хиве⁸.

Нажитые таким путем капиталы стали основой зарождения новой капиталистической промышленности, когда в самой Москве и в ее окрестностях в начале XIX века рогожские капиталисты основали первые крупные мануфактуры⁹. Другие старообрядческие центры, благодаря огромным капиталам, тоже дали начало многочисленным династиям фабрикантов (знаменитые Морозовы, Гучковы и т. д.). Один лишь центр беспоповцев (федосеевцев) на Преображенском кладбище в Москве располагал миллионами, что позволяло давать на развитие дела невероятные для тех времен ссуды за

⁸ См.: *Никольский Н. М.* История русской церкви. – М.: Изд-во полит. лит., 1983. С. 245.

⁹ Там же. С. 319.

ничтожные проценты или совсем без них. В 1847 г. с капиталов этого центра были выданы две ссуды: одна в 100 тыс. руб., а другая – в 500 тыс. руб., причем последняя всего за 4%. Значение кладбищенского капитала для федосеевской коммерции лучше всего иллюстрируется тем фактом, что перед Пасхой, когда фабриканты производили годовой расчет с рабочими, большинство православных промышленников вынуждены были прибегать к кредиту, а федосеевцы никогда не нуждались в деньгах и не выдавали векселей¹⁰.

Таким образом, поддержка московских староверческих общин помогала купцам обеспечить сбыт и получать кредиты. Последнее особенно было важным при отсутствии системы доступного государственного кредита.

Общины решали и другую болезненную проблему промышленности – нехватку рабочей силы. По закону полученные от торговли средства купцы первой и второй гильдии могли официально вкладывать в мануфактуры. Но вот найти работников на них было крайне сложно.

Крупные мануфактуры нуждались в многочисленных рабочих, и без свободного рынка труда обеспечивались крепостными. В 1721 г. Петр I разрешил купцам, владеющим фабриками и заводами, приобретать к ним населенные крепостными имения на посессионном праве. Эти крестьяне приписывались не к владельцу, а к промышленному заведению. В 1762 г. по требованию дворянства купечество было лишено права покупать новых крестьян к своим предприятиям, но сохранило ранее имеющихся. Павел I в 1798 г. вновь разрешил покупку крестьян к предприятиям. Посессионные крестьяне считались формально государственными, но фактически являлись собственностью предпринимателей, хотя государство регулировало отношения между ними¹¹.

Подобные сложности мешали развитию частных мануфактур, так как дворяне открывали, как правило, свои заводишки и не отпускали крепостных работать на чужих предприятиях. Городское население было немногочисленным, и потому до

¹⁰ Никольский Н. М. История русской церкви. – С. 348–349.

¹¹ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. I. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 385–386.

отмены крепостного права стабильный приток рабочих рук для предприятий был совершенно не гарантирован.

Только старообрядческие общины давали промышленникам резерв рабочей силы – дисциплинированной, трудолюбивой, видящей в промышленнике прежде всего единоверца, а не хозяина, что налагало особый отпечаток на взаимоотношения внутри фабрики, ее социальный климат. Общины укрывали беглых, а также легально выкупали людей на свободу. По замечанию агентов правительства, выявленные в московской общине в 1848 г. вольноотпущенники «купили свободу деньгами федосеевцев, предав себя расколу»¹². Общины помогали своим членам закрепиться в городе экономически и юридически, оформляя им переход в городские сословия. Естественно, что все эти люди трудоустраивались на фабрики купцов, связанных с общинами.

Бурное развитие текстильной промышленности в Москве после Отечественной войны 1812 г. было также периодом расцвета староверческих общин.

Во второй четверти XIX века в России появилось новое сырье – хлопок, от ремесленничества стали переходить к машинному производству, ткацкие предприятия обзаводились бумагопрядильными и механическими станками, затем паровыми двигателями. Началось применение химии в набивных и красильных цехах. В 1842 г. было дано разрешение ввозить из Англии прядильные машины, что вскоре привело к созданию крупных бумагопрядилен. В текстильной отрасли работали в 1843 г. 33,2 тыс. из 40,5 тыс. чел., занятых во всей промышленности Москвы (82%). Численность рабочих на текстильных предприятиях города ежегодно возрастала в результате наплыва помещичьих и монастырских крестьян, которые уже в 1830 г. составляли почти половину населения Москвы – около 144 тыс. из 305 тыс. чел.

Наиболее насыщенной фабриками частью Москвы были Семеновская и Преображенская слободы. В Лефортовской части, ставшей первой фабричной окраиной, в 1840-х годах жила четверть рабочих, занятых на крупных предприятиях

¹² См.: *Гучков А.* Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. – СПб.; М.: Лимбус пресс, 2005. С. 63–64.

(с численностью 100 и более человек). В 1843 г. из 17 владельцев фабрик, где работало 5844 чел., 12 были старообрядцами, о двоих нет сведений и только трое принадлежали к господствующей церкви¹³.

Связь старообрядчества с текстильными фабриками и торговыми домами могли разорвать только внешние обстоятельства, что и случилось в середине XIX века.

Политика государства

Московское купечество всегда вызывало недоверие имперского правительства. Оно было слишком сильно связано со стариной, было чем-то не европейским и чуждым правительственной внутренней политике. К тому же оно финансово поддерживало раскол, который без купеческих денег вряд ли приобрел бы такое влияние. Даже развитие московской промышленности вне государственного контроля не нравилось правителям.

Екатерина II видела в московской текстильной промышленности не благо для страны, а лишь источник смуты. Она писала: «Большая часть наших фабрик — в Москве, месте, может быть, наименее благоприятном в России; там бесчисленное множество народу, рабочие становятся распущенными; фабрики шелковых изделий не могут быть там хороши — вода мутная, и особенно весною, в лучшее время года для окраски шелка; эта вода действует на цвета: они или блеклы, или грубы. С другой стороны, сотни маленьких городов приходят в разрушение! Отчего не перенести в каждый по фабрике, выбирая сообразно с местным продуктом и годностью воды? Рабочие там будут более прилежны и города более цветущи»¹⁴. Однако выполнить задуманное она не сумела.

В оправдание императрицы надо отметить, что ее пренебрежение значимостью пространственной концентрации было вполне в русле тогдашних экономических теорий. Один из самых странных парадоксов истории экономической науки заключается в том, что после рассмотрения проблем экономического

¹³ Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. — СПб.; М.: Лимбус пресс, 2005. С. 69–70.

¹⁴ Екатерина II. О величии России. — М.: ЭКСМО, 2006. С. 63–64.

пространства А. Смитом и Д. Рикардо фактор пространства вплоть до конца XIX века выпал из поля зрения общих экономических теорий. В экономической науке укоренилось абстрагирование от пространства¹⁵. Возможно, потому и Екатерина II не видела никаких разумных причин, по которым текстильные фабрики появлялись именно в Москве.

Долгое время после Екатерины II правительство больше всего было обеспокоено европейскими делами и наполеоновскими войнами. Взятие Москвы французами и пепелище, оставленное ими, затормозили развитие текстильной промышленности.

Но вскоре правительственная конъюнктура сложилась удачно для московского купечества. Власть на волне военного патриотизма, символом которого стала Москва, начала оказывать поддержку всему русскому, в том числе и московскому купечеству.

Покровительственный тариф 1822 г. сыграл большую роль в быстром росте московской промышленности. Правительство и после этого заботилось о фабрикантах. В 1828 г. изделия московской текстильной промышленности появились даже на Лейпцигской ярмарке и вызвали там сенсацию. В 1829 г. в Москве была проведена первая общероссийская выставка мануфактурных изделий, а в 1835 г. подобную выставку посетил сам царь. В 1843 г. в городе числилось 400 предприятий, в том числе 286 текстильных. Из 38 тыс. работников на текстильную промышленность приходилось около 33 тыс. Стали складываться московские династии купцов-мануфактуристов, а имена Чороковых, Титовых, Прохоровых по всероссийской известности обходили аристократические фамилии¹⁶.

Московская промышленность находилась под правительственной опекой. А. С. Пушкин отмечал в 1833–1834 гг.: «Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною

¹⁵ См.: Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ – ВШЭ, 2003. С. 41.

¹⁶ См.: Аникин А. А. Муза и мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина. – М.: Мысль, 1989. С. 147.

силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством»¹⁷.

Однако подобная правительственная опека была вызвана отнюдь не экономическими потребностями страны или заботами о развитии народного хозяйства. Николай I после восстания декабристов в пику западникам и европеизированной аристократии стремился доказать единение монархии и народа. Купцы в государственной политике и идеологии воспринимались как верноподданные слуги престола, полезные и в то же время чуждые европейским вредным теориям. Потому и ни один из купцов не был привлечен к следствию по делу декабристов, хотя, по показаниям участников, некоторые из них знали о заговоре и поддерживали его. В то же время купец не считался равней дворянину и должен был знать свое приниженное место¹⁸.

Но довольно скоро Николай I пришел к мнению, что московские купцы слишком возомнили о себе. Гонения 1840-х годов на московские старообрядческие общины затронули самых известных и богатых купцов. Чтобы не плодить смуту, в Москве запретили заводить новые фабрики, старовеерам не позволено было записываться в московские купцы, а для пущего эффекта губернатором Москвы был назначен граф А. А. Закревский, до смерти запугавший купечество.

Последующие реформы Александра II по отмене крепостного права снабдили промышленников рабочей силой, развитие кредитной системы позволило надеяться на заемные средства, а становление рыночных отношений способствовало торговле вне староверческих сетей. Теперь на развитие российской текстильной промышленности влияли уже совершенно другие факторы.

¹⁷ Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург / Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. VII. С. 275.

¹⁸ См.: Важенин С. Г., Сухих В. В. Власть и московские купцы в XIX в. // ЭКО. – 2008. – № 11. – С. 176–187.